

Пролог

ЗА МЕСЯЦ ДО ДНЯ ПЕРВОГО

Приступ неумолимо приближался, его симптомы Юрий Федорович почувствовал еще вчера вечером, но понадеялся на целебную силу сна. Сон, однако, не помог. На следующий день Юрий Федорович неоднократно ловил себя на мысли перевести любой разговор с учениками на тему «отцы и дети», а точнее — «мать и сын». Следующая стадия наступила после обеда, когда любое упоминание о родителях, и в особенности о матерях, вызывало у него физически ощутимое болезненное раздражение, и Марцев с трудом сдерживался, чтобы не оборвать собеседника, не наругать, не накричать. И вот сейчас, к концу рабочего дня, он понял, что приступа не избежать, что Юрочка «проснулся» и вот-вот заорет во всю глотку.

Марцев снял телефонную трубку.

— Галина Григорьевна, может быть, перенесем разговор на завтра? Мне нездоровится, хочу пойти отлежаться.

— Конечно, Юрий Федорович, — с готов-

ностью отозвалась преподавательница математики. — Если уж мы с Кузьминым шесть лет не могли справиться, то один день ничего не решает. Поправляйтесь.

— Спасибо.

Да, Кузьмин — это проблема. На него жаловались все учителя. Отличник по всем предметам, Вадик Кузьмин никогда не давал повода исключить себя из школы за неуспеваемость. Но во всем остальном, от поведения на уроках до дерзких и грубых выходов дома, он проявлял себя отменным подонком, ни разу, впрочем, не переступив ту черту, за которой автоматически следовали следствие и суд. Оскорбление и клевета, как известно, дела частного обвинения и возбуждаются судом по жалобе потерпевшего. Где ж это видано, чтобы школьные учителя судились с семиклассником? Да и ответственность за эти преступления законом предусмотрена только с восемнадцати лет. «Завтра, — подумал Марцев, нервно застегивая плащ, — все проблемы будем решать завтра. Сегодня самое главное — Юрочка. Покормить, перепеленать, уложить, усыпить. Только бы до беды не дошло!»

Юрий Федорович Марцев был болен давно и неизлечимо. Правда, знал об этом только он один. Ну, может, еще два-три человека, но их мнение Марцева не интересовало. Для всех он был уважаемым завучем английской спецшколы, преподавателем английской и американской литературы. Для своей жены Юрий Федо-

рович был весьма неплохим мужем, для дочери — «педагогически правильным», хотя и несколько старомодным отцом. А для мамы он был Юрочкой, Юрасиком, Юшкой, любимым и доведенным до отчаяния этой неистойвой любовью единственным сыночком.

Марцев поехал на квартиру, которую снимал тайком от домашних за довольно умеренную цену: квартира была крошечной, давно не отремонтированной, почти без мебели, да и находилась на окраине Города. Иногда Юрий Федорович приводил сюда женщин, но в основном это убежище предназначалось для лечения, которое в последнее время требовалось ему все чаще.

Войдя в прихожую, он торопливо разделся. Руки дрожали так, что Марцев не смог даже повесить плащ на вешалку и в раздражении швырнул его на стул. Юрочка настойчиво рвался наружу, его переполняла ненависть к матери и требовательное желание немедленно убить ее. «Сейчас, сейчас, миленький, — бормотал Юрий Федорович, — сейчас ты успокоишься, потерпи еще минутку, ну еще одну секундочку...»

Он двигался почти автоматически, доставая из тайника кассету, вставляя ее в видеоплеер и подвигая кресло поближе к телевизору.

При первых же знакомых кадрах стало как будто немного легче, но Марцев заметил, что музыка, раньше действовавшая безотказно, в этот момент подействовала слабее. Он даже испугался, что лекарство утратило силу, однако

через несколько минут все стало как прежде. На экране возникло прекрасное лицо матери, каким оно было тридцать пять лет назад, когда Марцеву было всего восемь. Мать ходила по комнате, расставляла чашки, наливала чай, потом протянула руку и взяла Юрочкин школьный дневник. Марцев себя на экране не видел, но знал, что сидит за столом напротив матери и с ужасом ждет, когда она откроет страницу дневника с длиннющим, красными чернилами, посланием от учительницы. Вот мама читает его, брови хмурятся, губы презрительно кривятся, лицо делается ледяным. На столе между чайником и хлебницей лежит большой столовый нож. «Я ненавижу ее! Я ее боюсь и ненавижу! Сейчас я ее убью!» Юрочка вырвался наружу, Марцев больше его не удерживал, замороженно следя за тем, как это маленькое чудовище утоляет свою жажду. Ребенок ластится к матери, просит у нее прощения и обещает «больше так не делать». Лицо матери смягчается, она готова простить ненаглядное чадо и не замечает нож, спрятанный у него за спиной.

Во весь экран — красивая длинная шея, сверкающее лезвие ножа и кровь. Много крови. Очень много... Все. Наступил катарсис. Марцев отчетливо помнил ощущение теплой крови, потоком хлынувшей по его руке. Это ощущение возвращалось каждый раз, когда он смотрел фильм, и окончательно убеждало Юрочку, что он наконец сделал ЭТО. После этого мало-

летний убийца сворачивался в уютный клубочек и мирно засыпал до следующего раза.

Марцев обессиленно откинулся на спинку кресла. На этот раз он, кажется, справился. Но чувство освобождения было сегодня не таким, как раньше. Юрочка, кажется, не уснул, как обычно, а лишь задремал. Марцев подумал, что периоды между приступами стали постепенно сокращаться. Раньше Юрочка просыпался один раз в два-три года, потом — раз в год, а между предыдущим приступом и сегодняшним прошло всего четыре месяца. Болезнь прогрессирует, Марцев это понимал. Что ж, решил он, значит, нужно новое лекарство. И он знал, каким оно должно быть. Завтра же он этим займется.

Глава 1

ДНИ ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ

«Я — моральный урод, лишенный нормальных человеческих чувств», — обреченно думала Настя Каменская, добросовестно вышагивая по терренкуру предписанные врачом километры. Впервые в жизни она оказалась в санатории и решила поправить здоровье «по полной программе», тем более что условия в «Долине» были более чем роскошные.

Конечно, она никогда бы не попала в этот престижный санаторий, если бы организовывала свой отпуск самостоятельно. В лучшем

случае ей, работавшей в Московском уголовном розыске, предложили бы путевку в ведомственный санаторий без бассейна и с периодическим отключением горячей воды.

Равнодушная к природе, Настя проводила отпуска дома, в Москве, занимаясь переводами с английского или французского. Это позволяло, с одной стороны, несколько поправить материальное положение, а с другой — поддерживать знание языков. В этом году отпуск у нее был по графику в августе, но начальник отдела Виктор Алексеевич Гордеев, любовно прозванный подчиненными Колобком, попросил Настю поменяться с сотрудником, у которого скоропостижно умерла жена.

— Ты же знаешь, Анастасия, ему нужен отпуск, когда у дочки школьные каникулы. А тебе без разницы — август или октябрь, ты все равно в Москве сидишь. Слушай-ка, а хочешь, я тебя в хороший санаторий устрою?

— Хочу, — неожиданно для самой себя сказала Настя. Неполодок со здоровьем у нее был целый букет, но она никогда ими всерьез не занималась.

Тесть Гордеева профессор Воронцов руководил крупным кардиологическим центром, и с его помощью Виктор Алексеевич отправил Настю в «Долину». Это действительно очень хороший санаторий, в былые времена числившийся за Четвертым управлением Минздрава и по совершенно непонятным причинам не пришедший в упадок в эпоху реформ. Стои-

мость путевки, однако же, была такова, что перед Настей встали новые проблемы. Заткнуть брешь в бюджете можно было, если взяться за перевод и как следует поработать во время отпуска. Но для этого нужно взять с собой словари и портативную пишущую машинку, а кроме того, иметь возможность получить одноместный номер. Даже при минимуме вещей сумка со словарями и машинкой весит столько, что Насте гарантирован отпуск в горизонтальном положении: после неудачного падения в гололед она совсем не могла поднимать тяжести без того, чтобы потом не мучиться болями в спине.

— Не кисни, Анастасия, — подмигнул Колобок, когда она поделилась с ним своими сомнениями. — Сейчас позвоним начальнику отдела уголовного розыска и попросим его организовать все в лучшем виде.

Виктор Алексеевич полистал справочник и принялся накручивать телефонный диск.

— Сергей Михайлович? Приветствую, Гордеев из Москвы. Не забыл меня еще?

Настя не особенно надеялась на помощь местной милиции, понимая, что подобные просьбы всегда обременительны и отрывают от дела.

Она внимательно наблюдала за начальником, пытаясь по интонации и выражению лица угадать реплики невидимого Сергея Михайловича.

— ...Едет к вам в «Долину» спину подлечить. Тяжести поднимать не может, надо помочь.

(— О чем речь, сделаем.)

— И еще, Сергей Михайлович, надо бы одноместный номер устроить. Наш товарищ по-работать хочет.

(— По службе?)

— Нет-нет, что ты, как можно без твоего ведома. Творческая работа.

(— Знаем мы эту работу. Ладно, придумаем что-нибудь. Он у тебя как насчет выпить? Рыбалка? Может, охота?)

— Сергей Михайлович, это молодая женщина...

По тому, как мгновенно побагровело лицо Колобка, как залилась краской его лысина, Настя поняла, какие слова он слышит в эту секунду. Что ж, его собеседника можно понять, он не хочет тратить усилия и время ни свое, ни своих подчиненных на устройство в санатории чьей-то любовницы. А кем же еще может быть женщина, за которую просит начальник отдела МУРа, если, конечно, она ему не родственница? Кем, как не любовницей кого-нибудь из его друзей, а то и его самого? Не сотрудником же, в самом-то деле. Смех просто!

— Все шутишь, Сергей Михайлович, — деревянным голосом произнес Гордеев. — Так я позвоню тебе, как только она возьмет билет. Договорились?

Когда Настя взяла билет на поезд, Виктор Алексеевич еще раз позвонил в Город, своего знакомого не застал и передал сообщение через дежурную часть. Настя ни минуты не со-

мневалась, что ее никто не встретит. Так и случилось.

Побледневшая от боли, еле передвигая ноги, она пришла в регистратуру санатория. Дежурный администратор была сама любезность, но, когда речь зашла об одноместном номере, категорически отказала.

— Одноместных номеров мало, мы их предоставляем только инвалидам, ветеранам войны, афганцам. К сожалению, ничем помочь не могу.

— Скажите, а можно купить путевку прямо здесь? — спросила Настя, которая была уже готова на что угодно, лишь бы наконец лечь.

— Разумеется, — администратор быстро взглянула на Настю и тут же отвела глаза, уткнувшись в журнал.

«Все понятно», — подумала Настя, а вслух сказала:

— Продайте мне вторую путевку, и я займу двухместный номер. Так можно?

— Пожалуйста, — пожала плечами администратор, как показалось Насте, несколько напряженно, и открыла стоящий на столе сейф.

Настя молча достала деньги и положила их на открытый журнал регистрации.

— Путевку можете не выписывать, — тихо сказала она. — Отметьте только в журнале, чтобы ко мне никого не подселяли.

Войдя в номер, она не раздеваясь легла на кровать и беззвучно заплакала. Спина болела невыносимо, денег осталось совсем мало. И еще она почему-то почувствовала себя униженной.

Полученную взятку администратор отработала честно. Она заметила нездоровую Настину бледность, и уже через полчаса в номер явился врач. Он мгновенно увидел и большую сумку, брошенную посреди комнаты, и покрасневшие от слез глаза, и обезболивающие таблетки на тумбочке.

— И о чем только вы думаете? — укоризненно говорил он, считая пульс и разглядывая синюшные Настины руки. — Зачем такие тяжести таскаете, если знаете, что больны? Сосуды у вас отвратительные. Курите?

— Да.

— Давно? Много?

— Давно. Много.

— Пьете?

— Нет. Только вермут, и то редко.

— Вас как зовут?

— Анастасия. Можно просто Настя.

— Меня — Михаил Петрович. Будем знакомы. Так вот, Настя, давайте решать, что мы с вами будем лечить в первую очередь: спину или сосуды?

— А вместе нельзя?

— Не получится. — Он покачал седеющей головой. — Для вашей спины нужны грязи, массажи, нагрузки, главным образом — ходьба и специальная гимнастика в бассейне. Это должно занимать часов пять ежедневно, если не халтурить. Вы же, как я понимаю, еще и работать собираетесь? — Он кивнул на машинку. — На лечение сосудов времени уже не остается. Так что выбирайте.

— Будем лечить спину, — твердо сказала Настя.

Обслуживание в санатории и в самом деле было «на уровне»: учитывая болезненное состояние Каменской, все необходимые процедуры, без которых нельзя начинать лечение, проводились прямо в номере (в «Долине» почему-то не принято было называть комнаты палатами). Пришла медсестра и взяла на анализ кровь, потом Насте сделали электрокардиограмму. Часа через два, когда результаты были готовы, забежала веселая молодая хохотушка — невропатолог, поохала насчет «чудовищно запущенных» сосудов и выписала таблетки. За невропатологом пришел старенький терапевт, а последним, перед ужином, явился лечащий врач Михаил Петрович, сделал все назначения и подробно проинструктировал Настю. На прощание сказал:

— Сегодня отдыхайте, ужин вам принесут в номер. Перед сном придет сестра и сделает обезболивающий укол. Если утром сможете встать, сразу после завтрака идите в бассейн, инструктора по гимнастике зовут Катя, скажите ей, что у вас четвертый комплекс упражнений. Заниматься не меньше двух часов, ясно? Я в санаторной книжке все написал.

И вот на следующий день, отзанимавшись положенное время в бассейне, Настя добросовестно вышагивала лечебные километры и пыталась привести мысли в относительный поряд-

док. Ей нужно было ответить самой себе на три вопроса.

Вопрос первый: окончательно ли распались отношения матери, Надежды Ростиславовны, с мужем, Настиным отчимом? И как сама Настя к этому относится? Накануне отъезда дочери в санаторий мать позвонила из Швеции, где работала уже два года по приглашению в одном из крупных университетов, и сказала, что ей предложили продлить контракт еще на год и она согласилась. Похоже, мать не очень-то скучает по мужу и дочери. Но и отчим, Леонид Петрович, отнесся к этому сообщению с доброжелательным спокойствием, видимо, привыкнув к тому, что жены у него вроде как и нет вовсе. Моложавый, подтянутый, красивый, он не тяготился «соломенным вдовством», и Настя знала об этом. Больше всего ее изумляло собственное отношение к ситуации: мама еще год (это как минимум, а то и дольше, если опять предложат работу) будет вдали от дома, отчим самостоятельно устраивает свою личную жизнь, а ей, Насте, безразлично, как будто так и должно быть, как будто все нормально. Она не скучает по матери. Отчим обходится без жены. Семья распалась. А ей не больно. Почему? Неужели в ней совсем нет родственных чувств? Неужели она такая черствая?

Вопрос второй: почему она, сама Настя, не выходит замуж? Настя твердо знала, что замуж она не хочет. Но почему? Лешка готов на ней жениться по первому требованию, их отноше-

ния длятся больше десяти лет, но живут они отдельно, и ее это устраивает. Почему? Это же противоестественно.

И, наконец, вопрос третий. Вчера она дала взятку. Да-да, давайте называть вещи своими именами, она совершила уголовно наказуемое деяние. И что? Стыдно ей? Да ни капельки. Только очень противно. Ей, Анастасии Каменской, старшему уполномоченному уголовного розыска, юристу с высшим образованием, майору милиции, нисколько не стыдно перед собой. Что же с ней происходит?

«Я — моральный урод, — тоскливо думала Настя, меряя шагами тропу терренкура, — я — чудовище, мне чужды нормальные человеческие чувства».

* * *

В Городе, где находился санаторий «Долина», царили мир, спокойствие и порядок. Частное предпринимательство процветало, цены в коммерческих магазинах были умеренные, преступность на общероссийском фоне выглядела до смешного низкой. Транспорт ходил исправно, дороги содержались в порядке, мэр Города давал населению обещания и выполнял их. Обеспечивал же всю эту благодать весьма могущественный человек — Эдуард Петрович Денисов.

Эдуард Петрович давно понял, что для бизнеса нужна стабильность если уж не экономи-

ки, то, по крайней мере, власти. И направил он свои усилия, во-первых, на то, чтобы сделать городскую администрацию устойчивой и неменяемой, а во-вторых, на то, чтобы криминальная структура была единой и полностью контролируемой.

Денисов умел ждать. Он смеялся над теми, кто, затратив рубль, получал на следующий день тысячу процентов прибыли, потому что знал, что через два дня ситуация изменится, прибыль проедят, а новую уже не получают. Он готов был тратить деньги, вкладывая их в обеспечение стабильности и не получая на первых порах ничего, ибо был уверен, что потом будет получать дивиденды регулярно.

Помогая властям Города завоевывать репутацию в глазах граждан, Денисов одновременно вел жестокую борьбу с преступными группировками, пытавшимися поделить Город на сферы влияния. От одних откупался, с другими договаривался, третьих сдавал милиции, а некоторых безжалостно уничтожал. И, наконец, остался полновластным хозяином Города. После этого Эдуард Петрович пригласил к себе в гости нескольких наиболее толковых и оборотистых дельцов, обладавших солидными криминальными капиталами.

— Друзья мои, — негромко говорил Денисов, грея в ладонях рюмку с коньяком, — если у вас нет на примете ничего лучшего, предлагаю вам перебраться в Город, который в настоящее время вполне пригоден для развертывания биз-

неса. Позиции городской администрации достаточно прочны, и она будет нас всячески поддерживать. Население свою власть любит, и, какие бы катаклизмы ни случились, выборные должности будут занимать те же люди, что и сейчас, или их двойники. Соответственно они же обеспечат подходящие кандидатуры и на других постах. Предупреждаю: предлагаю заниматься только чистыми экономическими операциями. Никакой грязи, никакой уголовщины, контрабанды, наркотиков, антиквариата. Правоохранительные органы сегодня — наши. Но если, упаси бог, что-нибудь случится, завтра здесь окажутся люди из МВД России. Кто знает, что они здесь накопают. А я далеко не уверен, что смогу повлиять на назначение новых руководителей милиции, прокуратуры и суда, если нынешних снимут. Я много сил положил на то, чтобы сформировать стабильную власть в Городе, и я не позволю никому поставить ее под угрозу. Во всем остальном — полная свобода действий, но без конкуренции. Потому что конкуренция — это борьба, а борьба — это силовые методы, в том числе уголовные, что, как я уже сказал, недопустимо. Это могу себе позволить только я, и то в очень ограниченных пределах, для вашего же блага. Те, кто готов принять мое приглашение, должны договориться сначала здесь, за этим столом. И договоренности свои честно соблюдать.

— М-м-м, а ваша роль какова, Эдуард Пет-